

Вслед за тем вошла роскошно одетая женщина-сицзянка. Не успев переступить порог, она буквально заслонила собой весь проем — дверь для нее оказалась и узковата, и низковата.

Оба старца поспешно склонились до самой земли:

— Приветствуем старшую принцессу.

Это была Кань Юйцзе, старшая принцесса Сицзя. Местные женщины славились высоким ростом, а идеалом красоты здесь почитались дородность и мощное телосложение. Принцесса же в этом отношении превосходила всех, являя собой истинный венец сицзянского очарования. Сжимая в руке хлыст, она вошла уверенным, размашистым шагом. Окинув взглядом два десятка пленниц, Кань Юйцзе довольно улыбнулась, и на ее смуглом лице промелькнуло удовлетворение:

— Кто пригнал этих девок?

— Докладываю старшей принцессе, это добыча Цзинь Никэ, — отозвался один из стариков.

Кань Юйцзе согласно кивнула:

— Хорошо. Цзинь Никэ ловок, словно горный орел над Иньшанем, с каждым разом становится все смышленее. А то вечно натащат каких-то хрупких вертихвосток — ну куда они годятся? Я уж думала завтра, на великий праздник жертвоприношения Небу, пустить парочку этих недокормышей под нож ради счета, раз уж преступников нынче мало поймали. Но эти девки — дородные, крепкие, таких губить жалко. Ладно уж, пусть живут. Эй, кто-нибудь!

На зов вошли двое юношей-сицзянцев. Старшая принцесса распорядилась:

— Выдайте Цзинь Никэ сто ланов золота в награду. И впредь ищите девок только такого склада, да побольше! А то вечно болтают, будто в гареме пусто из-за моей ревности. Да мое сердце просторно, точно бескрайняя степь! С чего бы мне делить с кем-то место? Ха, посмотрим, что эти сплетники скажут теперь!

С этими словами она развернулась, чтобы уйти, но, сделав несколько шагов, обернулась и бросила через плечо:

— Завтра же пригоните этих баб с Серединных равнин на священное празднество. Пусть посмотрят на наши обряды и законы Сицзя, пусть прочувствуют страх. Тогда и поглядим, у кого из них хватит духу лениться да перечить.

Ян Е, глядя вслед принцессе, только покачал головой от изумления. Надо же, а Цзинь Никэ, оказывается, тот еще мудрец! И как только он сам посмел сомневаться в его тонком расчете? Не удержавшись, он придвинулся к самому уху Бай Тинби и зашептал:

— Ты только посмотри на эту тушу! Если она навалится на своего ненаглядного принца-консорта, то погребет его под собой целиком, ни одного волоска наружу не останется. Никакая соблазнительница даже разглядеть его под ней не сумеет! Теперь понятно, почему Цзинь Яжэнь после того, как она его один раз с ложа спихнула, больше туда и не суется. Вот оно в чем дело!

Бай Тинби в ужасе вытаращил глаза и поспешно зажал ему рот ладонью:

— Да тише ты, ради всего святого, замолчи! Услышит же!

На следующий день, первого числа седьмого месяца, пришелся традиционный для Сицзя день поклонения Небу. С самого рассвета всех двадцать «невест» подняли на ноги, заставили наскоро привести себя в порядок и пригнали на обширный пустырь к западу от дворца. Там уже толпилось великое множество сицзянцев.

Почитание Неба, Земли, духов и предков было для Сицзя главным делом в году, куда более важным, чем даже набеги на Серединные равнины ради добычи и женщин. Торжество устраивали раз в три месяца на помосте Тяньсуй, что высился по левую сторону от дворца. Явиться туда были обязаны все чиновники и старейшины родов; заодно там же держали совет по государственным делам. По устоявшемуся обычаю, сразу после молитв на том же помосте предавали смерти приговоренных к казни преступников — дабы пролитая кровь послужила подношением богам и предкам.

Ян Е с остальными пленниками стояли под неусыпным надзором стражи с краю площади, однако это место позволяло во всех подробностях разглядеть происходящее. Сам помост Тяньсуй едва возвышался над землей на два чи. В центре его чернел массивный алтарь, а позади ровным рядом выстроились более двух десятков вкопанных в землю деревянных столбов.

Вскоре на площади появилась дворцовая стража, расчищавшая дорогу для Цзинь Яжэня, облаченного в парчовые одежды. Тот вел за руку смуглого мальчика лет восьми-деяти с тонкими, миловидными чертами лица — маленького принца Сицзя по имени Кань Юйчжи. Его супруга, «ослепительная» старшая принцесса, сопровождать мужа не пожелала.

Следом шествовали Лин Шу и Цзин Хуайюй. На Цзин Хуайюйе красовалось все то же алое шелковое одеяние, черные туфли и нефритовый пояс. Лин Шу же выбрал черный атласный халат с широкими рукавами, расшитый традиционными узорами и отороченный двухдюймовой узорной каймой. Темно-красный пояс выгодно подчеркивал его стройный стан, выигрышно оттеняя мертвенно-бледную кожу лица и иссиня-черные, как вороново крыло, волосы. Своего верного меча на спине у него не было — оружие бережно нес идущий позади Дун Гэ.

Глядя на это зрелище издалека, Ян Е почувствовал, как в груди закипает ярость.

"Ублюдок паршивый! Нарядился-то как, павлин недощипанный! Перед кем тут красуешься? Ладно бы ветреная девка чужие взоры манила, но у тебя-то на родине сам император остался — это ему ты, получается, рога наставляешь, а не мне!"

Лин Шу будто почувствовал этот острый, как лезвие ножа, взгляд и скользнул равнодушным взором по толпе. Ян Е поспешно укрылся за широкой спиной Бай Тинби. Заместитель судьи, однако, не стал задерживать внимание на пленниках и вместе с Цзинь Яжэнем проследовал к почетным местам у подножия помоста, где они и расположились как гости.

Цзинь Яжэнь повернулся к гостям:

— Вы проделали долгий путь, уважаемые господа. Наше празднество поклонения предкам — величайшее событие для народа Сицзя, и вам непременно стоит его увидеть.

Службу правили старейшины племени. Маленький принц поднялся на Тяньсью вслед за ними. Собравшиеся внизу сицзянцы почтительно встали с мест, и Лин Шу с Цзинь Хуайюем последовали их примеру. Сам ритуал оказался довольно простым — обычные поклоны да заунывные молитвы. Цзинь Яжэнь, несмотря на свое высокое положение во дворце, будучи лишь зятем императорского рода, не имел права ступить на священный помост, а потому остался внизу, развлекая гостей беседой.

Не зная сицзянского наречия, Лин Шу не понимал ни слова из бормотания старейшин. Он покосился на стоявшего рядом принца-консорта. На лице Цзинь Яжэня, устремившего взор на алтарь, застыло холодное выражение, в котором угадывалось явное пренебрежение. Почувствовав на себе взгляд Лин Шу, он повернулся и вежливо улыбнулся, не спеша вдаваться в подробности обряда:

— Как только с молитвами будет покончено, вас ждет куда более захватывающее зрелище.

Цзинь Яжэнь говорил на государственном языке Да Янь без запинки, подбирая на удивление точные выражения, однако его интонация то взлетала, то падала, а темп речи то замедлялся, то ускорялся, отчего его голос звучал довольно дико.

Лин Шу промолчал, но Цзинь Хуайюй полюбопытствовал:

— И что же это за зрелище, господин принц-консорт?

— Казнь преступников, — отозвался Цзинь Яжэнь. — Наш народ обожает подобные забавы.

Едва обряд завершился, маленький принц Кань Юйчжи со всех ног бросился обратно и бесцеремонно втиснулся в кресло к Цзинь Яжэню, который ласково обнял ребенка за плечи. Тем временем на помост выволокли десятерых узников под конвоем палачей и стражников. Каждого из них намертво привязали к столбам в задней части площадки. Толпа внизу

разразилась одобрительным гулом, кое-где даже слышались восторженные выкрики. Видимо, тяга к кровавой жестокости сидит глубоко в природе любого человека, к какому бы народу он ни принадлежал.

Лин Шу бесстрастно окинул взглядом приговоренных к смерти.

— И как же вы намерены лишить их жизни, господин принц-консорт?

Поскольку заместитель судьи славился своей неразговорчивостью, Цзинь Яжэнь поспешил ответить со всем почтением:

— Обезглавливание или петля — оба способа весьма увлекательны. К тому же мы позволяем осужденным выбирать участь самим. Но вот тому, кто стоит с самого края на восточной стороне, выбора не дано. Меньше чем за полмесяца этот негодяй убил множество людей ради того, чтобы похитить чужую жену, не пощадив даже двухлетнего ребенка. Его ждет самая жестокая кара: мы искромсаем его тело на куски и сварим в кипящем котле. Лишь так можно внушить черни должный страх.

И действительно, пока он говорил, несколько слуг втащили на помост огромный медный котел, водрузили его на железную треногу и принялись разводить внизу огонь.

Лин Шу лишь коротко обронил тихое «хм» и вновь погрузился в молчание. А вот Цзин Хуайюй не сдержал негромкого смеха, но тут же спохватился и прикрыл лицо широким рукавом.

Цзинь Яжэнь, внимательно следивший за малейшим изменением на лицах гостей, разумеется, все заметил:

— Могу я узнать, что так позабавило господина Цзина?

Цзин Хуайюй притворно откашлялся:

— О, пустяки, сущие пустяки... Просто ваша «жестокая кара» — искромсать да сварить... Действительно, на редкость «беспощадно».

Цзинь Яжэнь нахмурился, уловив насмешку, и спросил с любопытством:

— Сам я родом из Западных краев и перенял этот обычай там. Прежде дикари Сицзя знали лишь петлю да топор. Неужели в Серединных равнинах палачи искуснее? Поведайте мне, расширьте мой кругозор. До меня доходили слухи о вашей казни «линчи», которую называют тысячей терзаний. Но разве преступник не выпускает дух после первых же ударов? Как можно вынести целую тысячу порезов?

Лин Шу медленно перевел взгляд на обреченных преступников на помосте:

— Слухи лгут. Не тысяча. Согласно закону, палач обязан нанести ровно три тысячи триста пятьдесят семь надрезов.

Цзин Хуайюй, обрадовавшись, что угрюмый спутник наконец соизволил заговорить, поспешил поддакнуть:

— Господин Лин занимает должность левого заместителя судьи Верховного суда, и в вопросах уложения наказаний ему нет равных. Если почтенный зять императора желает постичь тонкости этого ремесла, лучшего наставника ему не сыскать.

Услышав это, Цзинь Яжэнь поспешно поднялся со своего места, сложил ладони у груди и почтительно поклонился Лин Шу:

— Умоляю господина Лина поделиться своей великой мудростью.

Тем временем на помосте началась расправа. Первый из осужденных выбрал удавку. Когда веревка натянулась и тело безжизненно повисло в петле, по толпе прокатился вздох возбуждения, переросший в довольный гул.

Для Лин Шу эта убогая пародия на правосудие не представляла ни малейшего интереса. Стоявшие у него за спиной Дун Чунь и Дун Гэ тоже едва сдерживали презрительные усмешки. Однако, видя искреннее рвение принца-консорта, заместитель судьи сделал упреждающий жест рукой:

— Присядьте, господин зять императора.

Цзинь Яжэнь послушно опустился в кресло. Лин Шу бросил мимолетный взгляд на шумящую толпу сицзянцев и спокойно заговорил:

— Законы Серединных равнин суровы, но карают они лишь тех, кто поправил справедливость. Без жестокости не внушить трепета злодеям. Помимо обычного отсечения головы и удавки, у нас практикуются разрывание колесницами, разрубание пополам на уровне талии, вспарывание живота, а также «люси» — смывание плоти железными щетками, и «даодяньдэн» — подвешивание масляного светильника вниз головой. То, что вы называете варкой в котле, у нас именуется казнью «танхо». Разница лишь в том, что мы не утруждаем себя расчленением — грешника бросают в кипяток живьем. Казнь «линчи» — вершина этого искусства, однако она требует от палача предельного сосредоточения. Без многолетней выучки здесь не справиться.

Глаза Цзинь Яжэня загорелись фанатичным блеском. Он слушал Лин Шу затаив дыхание, замороженный его ледяным спокойствием. Изначально принц-консорт намеревался похвастаться перед чужеземцами дикими сицзянскими казнями и заставить их трепетать,

однако теперь понял, что его грозные пытки для гостя — не более чем детская забава. Подавив легкую досаду, он быстро сориентировался и взмолился вновь:

— О великий господин Лин, снизойдите до нашей глупости! Не согласитесь ли вы явить нам свое мастерство и устроить показательную казнь? Пусть мои неотесанные соплеменники воочию узрят величие законов Да Янь!

— Я не мараю руки палаческой работой, — бесстрастно отрезал Лин Шу.

Лицо Цзинь Яжэня вытянулось от разочарования. Он тяжело вздохнул:

— Какая жаль...

Цзинь Хуайюй, прибывший в эти дикие края с тайным поручением от императора Да Янь, всей душой стремился снискать расположение принца-консорта. Цзинь Яжэнь хоть и соблюдал все приличия, при каждом удобном случае ловко уходил от обсуждения важных государственных дел, из-за чего помощник министра изнывал от тревоги. Заметив его уныние и видя, что Лин Шу совершенно безразличен к чужим чувствам, Цзинь Хуайюй набрался смелости и вмешался:

— Разумеется, господин Лин выше того, чтобы самолично вершить столь низкое дело. Однако его верные телохранители, братья Дун, знают толк в казнях. Коль скоро многоуважаемый зять императора так страстно желает зрелища, не стоит ли нам пойти ему навстречу в знак нашего глубокого почтения и искренней дружбы?

Лин Шу слегка шевельнулся в кресле и оглянулся на братьев Дун. По их разгоревшимся глазам он сразу понял, что костоправы истосковались по настоящей работе и у них просто-напросто чешутся руки. Заместитель судьи высоко ценил своих доверенных подручных, а потому благосклонно кивнул:

— Что ж, развлекайтесь. Какого мерзавца вы приготовили для этого, господин принц-консорт?

Цзинь Яжэнь указал на привязанного с самого края преступника, которому только что готовили котел:

— Вон того палача-детоубийцу. Он заслужил право умереть тысячей порезов.

— Да будет так, — согласился Лин Шу.

Для начала Цзинь Яжэнь велел стражникам увести маленького Кань Юйчжи подальше от помоста, посчитав зрелище излишне суровым для детских глаз. Мальчик капризничал, цеплялся за его полы и рвался посмотреть на забаву, однако после ласковых уговоров все же уступил и ушел под конвоем. Затем принц-консорт распорядился проводить Дун Чуня и Дун Гэ на Тяньсюй. Поскольку братья всегда носили при себе излюбленные орудия пыток, начальник

стражи по их первому требованию доставил на помост огромный чан с ледяной водой и длинный деревянный стол, расставив все в точности так, как указали палачи.

Когда все приготовления завершились, начальник стражи повернулся к толпе и выкрикнул несколько гортанных фраз на сицзянском наречии. Местные дикари, кровожадные и свирепые по своей натуре, мигом взревели от предвкушения невиданной потехи — их крики едва не раскололи небесный свод.

В империи Да Янь палачи, искусные в проведении «линчи», пользовались особым почетом, а братья Дун, доведшие свое ремесло до божественного совершенства, и вовсе считались непревзойденными мастерами.

Дун Чунь и Дун Гэ неторопливо приблизились к приговоренному. Дун Чунь выступил вперед. В его руке блеснуло тонкое, как ивовый лист, лезвие. Несколько неуловимых движений — и через семь-восемь взмахов лохмотья одежды узника осыпались на доски, обнажив покрытое густым темным волосом тело.

Осужденный замер, тупо уставившись на своих палачей. В этот миг Дун Гэ плеснул ему прямо в лицо ледяной водой из ковша, а затем резким, выверенным ударом ладони поразил бедолагу в область сердца. Сердце несчастного испуганно сжалось, а сосуды мгновенно сузились, что предотвращало обильное кровотечение во время казни.

Лин Шу подпер рукой подбородок и, не сводя глаз с помоста, ровным тоном принялся разьяснять Цзинь Яжэню:

— Согласно древнему уставу «линчи», первый порез совершается в благодарность Небу, второй — в благодарность Земле. Начинают всегда с сосков.

Едва прозвучали его слова, как рука Дун Чуня совершила молниеносный круговой росчерк. Лезвие плавно срезало с правой груди узника лоскут кожи размером с медную монету, аккуратно захватив сосок. Небрежным взмахом руки палач подбросил этот кусочек плоти высоко вверх; описав в воздухе ровную дугу, плоть с мягким шлепком приземлилась точно на деревянный стол.

Это подношение именовалось «Благодарностью Небу».

Начальник стражи, приставленный вести счет ударам, зычно выкрикнул на языке сицзя:

— Один!

<http://bllate.org/book/19546/1998802>